

Суперэтатизм и социализм

К постановке проблемы

Для левых всего мира актуальными сейчас являются два вопроса: осознание причин поражения советского эксперимента и обновление социалистической теории. Для того, чтобы решить эти вопросы, необходимо сначала строго на научной основе разобраться в том, чем являлся в действительности так называемый реальный социализм, и составить представление о подлинно социалистическом (коммунистическом) обществе, о социалистическом (коммунистическом) способе производства.

Первая проблема важна не только потому, что левые должны извлекать уроки из собственных ошибок и не могут двигаться вперед, не разобравшись в собственном прошлом, но и потому, что на постсоветском пространстве существуют довольно влиятельные силы, активно действующие на политической арене и ориентированные на восстановление в общих чертах именно «реального социализма». Без решения обеих проблем невозможно обновление социалистической теории, а обновление это чрезвычайно необходимо, так как старая социалистическая теория серьезно дискредитирована в сознании мыслящей части левых, в то время как реальная действительность толкает значительную часть людей, считающих себя левыми, на путь активной борьбы с капитализмом, а организованные силы, ведущие эту борьбу, в большинстве своем пребывают в объятиях догм старых социалистических учений. Понятно, что это может, в лучшем случае, привести лишь к повторению истории.

Сначала о «реальном социализме». Существуют, как известно, две основные точки зрения на природу советского строя: что это действительно был социализм (искаженный либо даже неискаженный) и что существовавший в СССР и других странах «восточного блока» строй не был социализмом. Сторонники последней точки зрения в основном считают этот строй государственным капитализмом. Все остальные точки зрения (например, что «реальный социализм» являлся соединением капиталистического базиса с феодальной (или социалистической) надстройкой, или, как у Молотова, что он являлся «переходным периодом от капитализма к социализму»), строго говоря, научно не аргументированы и не выдерживают критики.

Оставаясь в рамках марксистской МЕТОДОЛОГИИ, представляется несложным доказать, что советское общество не было социалистическим (коммунистическим). При этом я, естественно, игнорирую сталинистское разделение коммунизма на две ступени – социализм и коммунизм, – как изобретенное специально для объяснения того, почему строй СССР не соответствовал представлениям основоположников научного коммунизма о социализме. Конъюнктурность и заданность этого «изобретения» сталинской науки очевидны. Следовательно, надо вернуться к марксовому пониманию, а именно, что социализм и коммунизм суть синонимы.

Итак, мы знаем основные характеристики социалистического (коммунистического) общества: это бесклассовый безгосударственный нетоварный строй прямой демократии (демократии участия), преодолевший эксплуатацию и отчуждение, основанный на общественной собственности на средства производства и порожденный социалистическим (коммунистическим) способом производства.

Очевидно, что «реальный социализм» этим ОСНОВНЫМ характеристикам социализма не соответствовал. При «реальном социализме» мы имели

- а) государство (которое даже расширило свои полномочия по сравнению с капитализмом – вместо того, чтобы «отмереть»);
- б) товарно-денежные отношения, которые неизбежно, по Энгельсу, должны были породить капитализм;
- в) институты буржуазной представительной демократии (к тому же суженной, по сути, до олигархии);

г) эксплуатацию и отчуждение, по интенсивности и тотальности не уступавшие эксплуатации и отчуждению в капиталистических странах;

д) государственную (а не общественную) собственность на средства производства;

е) общественные классы;

и наконец

ё) тот же, что и при капитализме, способ производства – крупнотоварное машинное производство или, иначе говоря, индустриальный способ производства.

В то же время можно доказать, что «реальный социализм» не был и капитализмом: отсутствовал рыночный механизм (даже со времен «либермановской» реформы возникли лишь некоторые элементы рыночной экономики, но не собственно рынок, в частности, полностью отсутствовал рынок капиталов, без которого рыночный механизм в принципе неработоспособен); государство не выступало как частный собственник и совокупный капиталист (как это должно быть при госкапитализме), то есть в качестве одного (пусть главного) из субъектов экономики, а поглотило экономику и пыталось поглотить общество, то есть государство, скорее, выступало как совокупный феодал по отношению к своим гражданам, не имея в то же время возможности выступать в таком же качестве по отношению к иным средствам производства (ввиду отсутствия частной собственности и других «феодалов»); полностью отсутствовала конкуренция и т.д.

Я полагаю, что в СССР (и других странах «реального социализма») мы имели дело с особым общественно-экономическим строем – СУПЕРЭТАТИЗМОМ, строем, парным капитализму в рамках одного способа производства – индустриального способа производства.

В марксистской традиции строй именуется по наиболее прогрессивному собственнику («рабовладельческий строй», а не «рабский» – от рабовладельца; «феодализм» – от феодала, а не от крепостного крестьянина; «капитализм» – от капиталиста, а не от рабочего). В этом смысле правильнее было бы именовать суперэтатизм просто ЭТАТИЗМОМ, но этот термин пока, к сожалению, в общественных науках, как принято говорить в таких случаях, переокупирован.

В чем причина возникновения такой сложной конструкции, не встречавшейся ранее в марксизме, как два парных друг другу строя в рамках одного способа производства? Очевидно, в разнице собственников, видов собственности. Таким образом, получаем, что общественно-экономический строй формируется двумя основными признаками: СПОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВА и СОБСТВЕННОСТЬЮ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА. Достаточно изменения одного из этих признаков – и изменится строй. В самом деле, переход от рабовладения к феодализму и от феодализма к капитализму сопровождался изменением способа производства, но не изменением формы собственности: во всех трех случаях мы имеем дело с ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА.

Более того, в истории человечества уже был случай, когда в рамках одного способа производства существовали два парных общественно-экономических строя: это период античности, когда существовало классическое рабовладение (на Западе) и то, что Маркс называл «азиатским способом производства» (на Востоке). В советский период дважды в общественных науках (в 20-е – 30-е гг. и в 60-е гг.) возникали бурные дискуссии об «азиатском способе производства», которые закатывались ничем (поскольку были погашены указаниями сверху). Сам Маркс, как известно, решил к концу жизни пересмотреть свои взгляды на «азиатский способ производства», заподозрив, что никакого отдельного «азиатского» способа производства не было. Смерть не дала завершить ему эту работу. Между тем, Маркс был прав в своем подозрении. Сегодня мы обладаем достаточным количеством эмпирических данных для того, чтобы определять и «азиатский» и «античный» способы производства как один способ производства: крупнотоварное немашинное (домашинное) производство. Разница между Западом и Востоком заключалась лишь в форме собственности: классическое рабовладение на Западе предполагало частную собственность на средства производства, в то время как на Востоке существовала государственная собственность на средства производства (иногда она выступала в завуалированной форме: в форме «сакральной» собственности, когда средства производства формально принадлежали даже не государству, а богу или богам, или в форме «царской» собственности на средства производства – при этом царь (верховный жрец) не был частным собственником, а лишь менеджером, распорядителем «царской» («сакральной») собственности). Говоря иначе, то, что Маркс определял как «азиатский способ производства», надо бы называть ЭТАТИЗМОМ (ЭТАТИЗМОМ-I, в отличие от этатизма-II, суперэтатизма).

Ограниченный размерами статьи и ее жанром («к постановке проблемы»), я не стану развивать далее эту тему, тем более, что она заслуживает отдельной серьезной и аргументированной статьи, если не монографии. Скажу лишь, что парность строев при одном способе производства проявляется, как мы видим, при переходе от первобытного коммунизма к классовым обществам, к частной собственности – и наоборот, при переходе от частной собственности к социализму, что говорит, видимо, либо о сложности такого процесса, либо о неоднородности его в различных цивилизациях. Возможно, это связано с наличием или отсутствием в данном обществе такого института, как община.

Итак, при суперэтатизме собственником становится государство, а все граждане превращаются в наемных работников на службе государства. Государство, таким образом, превращается в эксплуататора, присваивает себе прибавочный продукт. При суперэтатизме ликвидируются антагонистические классы, а классовые различия вытесняются в сферу надстройки. Общество оказывается состоящим из трех основных классов: класса рабочих, класса крестьян и класса наемных работников умственного труда, который при ближайшем рассмотрении оказывается состоящим из двух крупных подклассов: управленческого аппарата, чиновничества, во-первых, и интеллигенции, во-вторых. Складывается своеобразная СОЦИАЛЬНАЯ ОДНОРОДНОСТЬ общества, в определенной степени – ОДНОМЕРНОСТЬ (если воспользоваться, переосмысляя его, термином Маркузе). Границы между классами размываются, облегчается переход из одного класса в другой, что является достоинством по сравнению с капиталистическим обществом.

Другим достоинством суперэтатизма по сравнению с капитализмом является ликвидация конкуренции – с присущей ей огромной тратой ресурсов и средств на конкурентную борьбу, на рекламу (как известно, на Западе расходы на конкурентную борьбу и рекламу иногда достигают 3/4 всех доходов компании).

Важным достоинством оказывается возможность преодолеть стихию рынка при помощи планирования, что позволяет – в идеале – рационально и экономно подходить к затрате ресурсов, а также прогнозировать и направлять научно-технический прогресс.

Наконец, важным достоинством суперэтатизма является возможность концентрировать в одних руках (государства) огромные материальные, людские и финансовые ресурсы, что обеспечивает высокую выживаемость системы в экстремальных условиях (как это было с СССР во II Мировую войну).

Социальные институты суперэтатизма, на которые любят указывать в качестве «важнейших достижений» сторонники «реального социализма» – бесплатное образование, здравоохранение, системы детского дошкольного и внешкольного образования и воспитания, рекреационные системы, дешевые жилье и общественный транспорт – собственно, не являются «достоинствами» суперэтатизма. Они порождены специфическими отношениями между государством и наемными работниками, напоминающими отношения между феодалом и его крестьянами: поскольку рынок рабочей силы был ограничен наличным количеством граждан и внешнего рынка рабочей силы не было, то, естественно, государство – работодатель и собственник средств производства – вынуждено было взять на себя заботу о здоровье, образовании и условиях жизни своих работников, так как это непосредственно сказывалось на производстве и, в первую очередь, на производстве прибавочного продукта, на доходах государства. Высокий уровень прибавочной стоимости достигался при суперэтатизме за счет чрезвычайно низкой заработной платы, но, в то же время, часть получаемых государством сверхприбылей перераспределялась затем через государственные структуры в пользу наемных работников в форме социальных программ, а также путем искусственного занижения цен на внутреннем рынке на продукты и товары первой необходимости, жилье и общественный транспорт. Государство таким образом, во-первых, понуждало граждан направлять часть своих доходов в выгодном для государства как собственника средств производства и работодателя направлении (например, на образование и санитарно-гигиенические цели), а во-вторых, могло контролировать получение необходимого минимума услуг и прав (образование, например) всеми гражданами без дискриминации, с одной стороны, и без самодискриминации (сознательного уклонения) – с другой.

Таким образом, при суперэтатизме наемный работник получал не обязательно хорошего качества, но гарантированно и даже в обязательном порядке то, что при капитализме он должен был покупать на рынке товаров и услуг как раз за ту часть зарплаты, которая (приблизительно, конечно) ему при суперэтатизме не оплачивалась.

Говоря иначе, и капитализм, и суперэтатизм не имели в этой сфере явных преимуществ, а лишь по-разному расставляли приоритеты: ДОСТУПНОСТЬ и ГАРАНТИРОВАННОСТЬ при суперэтатизме (с

потерей качества и разнообразия) – и КАЧЕСТВО и РАЗНООБРАЗИЕ при капитализме (с потерей доступности и гарантированности). Нетрудно заметить, что вся разница объясняется прагматической причиной: наличием при капитализме внешнего для собственника средств производства по сути неограниченного рынка рабочей силы – и отсутствием такого рынка для собственника средств производства при суперэтатизме.

Что касается недостатков суперэтатизма по отношению к капитализму, я на этом специально останавливаться не буду, поскольку в последние 10 лет наши и зарубежные СМИ только об этом и говорили и писали.

Во всех известных нам странах суперэтатизм решал и решил те же вопросы общественного и экономического развития, что и капитализм, а именно:

- а) ликвидация институтов феодализма и
- б) индустриализация.

В этом смысле суперэтатистские революции были равнозначны революциям буржуазным – с той лишь разницей, что если в буржуазных революциях буржуазия оставалась гегемоном, используя часто пролетариат и крестьянство как массовую движущую силу революции, то в суперэтатистских революциях пролетариат (и/или крестьянство – в Китае, во Вьетнаме, на Кубе и т.д.) превращался из массовой движущей силы в гегемона, уничтожив, наряду с классом феодалов, и буржуазию.

Особенностью суперэтатизма явилось то, что он как строй не имел собственной идеологии и был вынужден пользоваться чужой – и даже чуждой себе – идеологией марксизма. Это естественно. Класс буржуазии сформировал в основном свою идеологию еще при феодализме – и осуществлял буржуазные революции уже под флагом этой идеологии. Государство – не класс, государство – всего лишь машина, существующая во всех классовых обществах, некому и незачем было создавать обожествляющую машину идеологию.

Кстати, отсутствие собственной, адекватной идеологии – одна из причин краха суперэтатизма в СССР и других странах советского блока.

За десятилетия сталинского режима, конечно, была проведена грандиозная работа по извращению марксизма и приспособлению его к нуждам суперэтатистского строя. В целом эту работу, как показала историческая практика, можно считать неудачной. Однако определенные плоды эта работа, конечно, дала – и мы можем сейчас наблюдать последствия этих усилий в идеологии «обожествления государства», которую проповедует, например, Г. Зюганов. Интересно, что и при позднем капитализме, при государственно-монополистическом капитализме, возникли идеологи и даже идеологические школы, которые, если внимательно присмотреться, разрабатывают именно идеологию суперэтатизма – в чистом виде, уже без марксистской окраски. В качестве яркого примера можно привести Берреса Ф. Скинера и близких к нему представителей необихевиоризма.

Это связано, видимо, с чрезвычайным усилением в эпоху позднего капитализма бюрократии. Бюрократия – единственный социальный слой, который получил выгоду от суперэтатизма. Государство персонифицируется в государственных служащих, то есть в чиновничестве, в бюрократии. По отношению к государству при суперэтатизме чиновник, бюрократ выступает, как и все остальные, в качестве наемного работника. Однако по отношению к другим наемным работникам он выступает в качестве менеджера, управленца, агента власти, зачастую – работником (то есть отчасти работодателя). Не будучи классом, а лишь бездушной машиной, государство при суперэтатизме не имеет каких-то классовых интересов. Бюрократия же, как справедливо писал Маркс, воспринимает государство как свою коллективную собственность. Это значит, что бюрократия паразитирует на государстве, постоянно пытаясь перераспределить часть государственных доходов в свою пользу – и нанося этим ущерб и обществу в целом, и самому государству.

Инстинктивно всякое государство с этим борется. Помимо государства с аппетитами бюрократии борются обычно и правящие классы, которые тоже рассматривают государство как СВОЮ коллективную собственность. При суперэтатизме, где правящих классов нет, государство либо должно бороться с частными аппетитами чиновничества очень жестко (при Сталине, например, как мы помним, управленческий аппарат подвергался систематическим репрессиям), либо смириться с угрозой тотального растаскивания государственных доходов чиновничеством, а в перспективе – и с перераспределением государственной собственности в пользу чиновничества. Что и произошло

в конце концов в СССР и в других странах советского блока. Государственная машина способна противостоять частным интересам чиновников, лишь используя для этого других чиновников. Если же бюрократы от осознания своих ЧАСТНЫХ интересов разовьются до осознания своих СОСЛОВНЫХ интересов, то есть если бюрократия станет СОСЛОВИЕМ ДЛЯ СЕБЯ, – суперэлитистское государство окажется бессильным перед угрозами утраты собственности и превращения бюрократов (менеджеров) в собственников (капиталистов, бюрократ-буржуазию). Что мы и наблюдали недавно.

Теперь о подлинном социализме (коммунизме). Пролетарские революционеры не смогли создать социалистическое общество по двум основным причинам. Во-первых (и в главных), к моменту совершения пролетарских революций, вопреки марксистским принципам, и в ближайшей перспективе не было видно признаков нового способа производства, не говоря уже о том, чтобы он в общих чертах сформировался в недрах старого. Во-вторых, был ошибочно определен основной революционный субъект – пролетариат.

Вторую ошибку допустил уже сам Маркс. Марксистская методология предполагает, что революционный субъект должен появиться, как сейчас бы сказали, вне Системы. Не рабы уничтожили рабство и не крестьяне – феодализм. Точно так же не пролетариат должен был стать могильщиком буржуазии. Однако рассуждения Маркса нетрудно реконструировать. Не обнаружив вокруг себя класса, который, подобно буржуазии в феодальном обществе, существовал бы вне основного экономического уклада и представлял бы новый способ производства, Маркс обратил свой взор на наименее заинтересованный в капитализме класс – пролетариат. Маркс предполагал, что рабочие, не заинтересованные в своем статусе НАЕМНОГО РАБОТНИКА, взяв власть, приложат усилия к тому, чтобы изменить условия своего труда и сам способ производства. Мы знаем, что Маркс как практический политик был гораздо слабее Маркса-философа, кроме того, Маркс как человек был достаточно нетерпелив (вспомним, как он спорил с Энгельсом, когда именно – при его жизни – произойдет социалистическая революция). С одной стороны, Маркс еще в 1857-1859 гг. осознал, что именно ЗНАНИЕ должно стать непосредственной производительной силой будущего общества, с другой – НТР, которая показала, что это теоретическое положение Маркса верно, началась лишь во второй половине 40-х гг. XX в. Методологически получалось, что ведущим субъектом социалистической революции должен стать ученый (или, шире, интеллигент), на практике Маркс при жизни не видел и малейших признаков этого.

Это заложило некоторые явные противоречия в построения Маркса. С одной стороны, индустриальный способ производства неизбежно товарен, с другой – социалистический способ производства, как справедливо утверждал Маркс, – нетоварен. Материальный продукт НЕИЗБЕЖНО превращается в товар в ходе обмена. И лишь ЗНАНИЕ не является, строго говоря, товаром. Товар при обмене (продаже) отчуждается от одного владельца и переходит к другому. Знание при обмене (продаже), став «собственностью» покупателя, не отчуждается и от продавца. Поэтому знание в капиталистическом обществе никогда не оплачивается по своей полной стоимости. Это отражается и на оплате труда тех, кто создает и передает знание – ученых и преподавателей.

Более того, способ производства, основанный на знании, оказывается таким способом производства, при котором возможно ПРЕОДОЛЕТЬ ОТЧУЖДЕНИЕ. Знание неотчуждаемо от его создателя и носителя. Он контролирует весь процесс «производства» знания.

Знание, наконец, находится уже сейчас по сути в ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ человечества. Несмотря на все попытки превратить знание в товар, закрепить в частном владении интеллектуальную собственность, 99,95% суммарного знания человечества общедоступно. Даже в ядерной физике засекречено лишь 0,35% информации и, очевидно, еще меньше подлинного знания. Объективные общественные потребности диктуют необходимость поддерживать режим доступности и открытости знания.

Производство и владение знанием бессмысленны, если «собственник» знания не делится им с обществом. Ученый (работающий в сфере научного знания) и художник (работающий в сфере художественного знания) предназначают плоды своей деятельности именно для окружающих.

Знание, наконец, удовлетворяет тому требованию, которое Маркс предъявлял к общественной собственности – чтобы она одновременно была и индивидуальной. Без этого, по Марксу, невозможно преодоление отчуждения, не произойдет диалектического снятия частной собственности. Общественная собственность, не бывшая в то же время индивидуальной, известна по первобытному коммунизму – и провоцирует присваивающую экономику.

Однако до начала 80-х гг. XX в., до эры персональных компьютеров и мировых компьютерных сетей, было неясно, на каких именно материальных носителях может осуществляться способ производства, основанный на знании. РС и оказался таким орудием труда и средством производства, который может быть одновременно в индивидуальной и общественной собственности (как это показывают мировые компьютерные сети). Ученый, писатель, архитектор, музыкант, модельер, работающий на своем РС, зависит от мировых сетей и баз данных и нуждается в них. С другой стороны, эти сети и базы данных лишены смысла, если у их не будет пользователей.

Наконец, тотальная компьютеризация и информатизация делают возможной прямую демократию. Когда-то Вольтер говорил, что прямая демократия хороша для маленьких стран, но неосуществима в больших (например, во Франции) – из-за расстояний и затрат времени. Современные коммуникации позволяют действовать одновременно независимо от расстояний. Поголовная компьютеризация дает возможность всем членам общества участвовать в выработке и принятии решений и в контроле над их воплощением в жизнь.

Знание, став основной производительной силой, неизбежно уничтожит индустриальный способ производства. Автоматизация, роботизация и компьютеризация делают ненужной фабрику в том виде, в каком мы ее знаем – они по природе своей стремятся к «малым формам», к децентрализации. Экономическая децентрализация должна повлечь за собой и политическую (вспомним, что Маркс видел социализм как ассоциацию (федерацию) самоуправляющихся коммун). Наконец, автоматизация и компьютеризация вытесняют человеческий промышленный труд (даже высококвалифицированный) и понуждают работников переходить к высокоинтеллектуальному творческому труду. В высокоинтеллектуальном творческом труде преодолевается отчуждение (как господство овеществленного в машинах знания над живым знанием).

Маркс полагал, что социалистическая революция будет мировой. Для этого должен был сформироваться единый мировой экономический механизм, мировой капиталистический рынок. Маркс, как сейчас очевидно, опять торопился и понимал этот мировой рынок несколько упрощенно (как позднее и Ленин). Только сейчас складывается настоящий МИРОВОЙ РЫНОК – то есть рынок, обладающий всеми классическими чертами национального, но распространенный на всю планету. Финансовый мировой рынок уже сформирован, почти полностью (или даже полностью) сформирован мировой рынок сырья, у нас на глазах формируется мировой рынок товаров и услуг и начинает формироваться мировой рынок рабочей силы. Как только этот процесс завершится, можно будет говорить, что период экстенсивного развития капитализма исчерпал себя.

Мировая экономическая интеграция будет неизбежно подталкивать мировую политическую интеграцию (в том числе и в имперской форме). В то же время, исчерпав экстенсивный путь развития, капитализм вынужден будет сосредоточиться на интенсивном. Это повлечет за собой формирование интеллигенции как массового общественного класса – класса работников умственного труда, который капитализм постоянно будет пытаться превратить в класс НАЕМНЫХ работников умственного труда.

Вот эта НОВАЯ интеллигенция, этот новый класс, прямо связанный с новым – социалистическим – способом производства, основанном на знании, и должен стать гегемоном мировой социалистической революции. Для этого, естественно, необходимо, чтобы он стал «классом для себя», осознал свои классовые интересы (ликвидация частной собственности и капитализма и освобождение от положения наемного работника). То есть необходима революционная пропаганда и разъяснительная работа среди интеллигенции. Очевидно, впрочем, что при капитализме интеллигенция (работники умственного труда) как массовая категория населения, как КЛАСС может существовать ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО в форме НАЕМНЫХ работников умственного труда, что не только не совпадает с ее интересами, запросами и возможностями, но всегда было УНИЗИТЕЛЬНО для творческих личностей. Достаточно очевидно также и то, что союзниками интеллигенции в будущей революции могут стать все наемные работники (в том числе и промышленный пролетариат), поскольку ликвидация статуса наемного работника соответствует и их классовым и социальным интересам – а перспектива превратиться в свободных творцов и тружеников привлекательна и для них.

Сам по себе поздний капитализм в социализм не перейдет. Он уже сейчас активно сопротивляется прорастанию внутри собственного экономического механизма нового способа производства, тормозит научно-технический прогресс. Из-за конкурентной борьбы и установки на «получение прибыли любой ценой» начинает выдыхаться «компьютерная революция», попытки введения частной собственности на знание и информацию (так называемая интеллектуальная

собственность) ведут к разбазариванию ресурсов планеты в ущерб человечеству во имя прибылей частных лиц и корпораций (уже сейчас западные химические концерны, например, скупили и «закрыли» свыше 200 патентов на производство нервущихся нейлоновых чулок; компания «Белл» купила еще до I Мировой войны патент на производство неперегорающей лампочки накаливания и тратит огромные деньги на продление этого патента и т.д.).

Наконец, капитализм пытается подменить категорию ЗНАНИЕ категориями ИНФОРМАЦИЯ. Это не одно и то же. Ученые, художники и общество в целом владеют именно ЗНАНИЕМ, в то время как ИНФОРМАЦИЕЙ может владеть и частный собственник как товаром (бюрократ, например, традиционно владеет как товаром именно информацией). Ложное знание, как известно – вовсе не знание. А ложная информация может быть не менее ценной, чем истинная. И т.д.

Очевидно, однако, что «информационное общество» – это шаг к обществу, основанному на знании. Природа информации и природа знания, механизмы их общественного обращения близки друг другу, информация, наконец, как и знание, является «неполноценным товаром», ибо может не отчуждаться полностью при обмене (продаже).

Наконец, я думаю, серьезными проблемами для революционных сил являются:

- 1) формирование наряду с мировым рынком и единой мировой экономикой мировой имперской системы;
- 2) финансово-имущественный подкуп широких слоев населения развитых западных стран – за счет неэквивалентного обмена с «третьим миром» – и, следовательно, социальная стабилизация позднего капитализма в развитых западных странах в форме «мещанского рая» и
- 3) использование капитализмом достижений НТР (как в военной сфере, так и в сфере массовой информации, пропаганды и контроля над сознанием) против революционных сил.

Мне представляется, что эти проблемы, которые придется решать в XXI веке сторонникам социалистической идеи, в конечном счете взаимосвязаны, ибо уже сейчас все три фактора действуют в комплексе. Если левые силы не смогут пресечь стихийно формирующийся сегодня сценарий мирового развития (создание мировой империи из развитых капиталистических стран, живущей за счет остального мира – то есть страдающего от нищеты, голода, войн, болезней и отравленной природы «третьего мира» – и населенной сытым мещанским стадом, «средним классом» с редуцированными культурными и духовными запросами и готовым силой оружия оберегать свой высокий жизненный уровень и комфорт от «дикарей» «третьего мира») – земную цивилизацию ожидает катастрофа. Неизбежное истощение планетарных ресурсов побудит эту мировую империю в целях самовыживания перейти к таким совершенным и всепроникающим методам контроля и унификации мышления своих подданных, по сравнению с которыми орвелианские и замятинские антиутопии покажутся милыми детскими «страшилками».

5 мая – 7 июня 1996